

О решающей роли ректоров в жизни любого университета распространяться нет нужды. Она очевидна. Успешная или, напротив, неудачная работа руководства самым непосредственным образом влияет на престиж вуза, его общее положение, на профессиональную деятельность его преподавателей и питомцев. В свою очередь, в судьбах руководителей университета ярко отражались как героические, так и трагические события в истории страны и своего вуза. На деятельности ректоров всегда фокусировалось внимание общественности и властей. Отсюда — высокий престиж тех ректоров, деятельность которых сопровождалась успехами в развитии университета, но отсюда же — тяжелый груз их личной ответственности за просчеты в разнообразных проявлениях жизни многотысячного коллектива.

С момента основания на протяжении девяноста трех лет Воронежский университет возглавляли 18 руководителей. Большинство именовались ректорами, но шестеро довоенных (с 1929-го по 1939 г.) назывались директорами. Должность ректора считалась больше отвечающей духу университетской автономии (пусть даже сильно ограниченной), директор же всегда назначался министерством и был звеном

административно-командной модели управления. Ректоры, как правило, избирались ученым советом университета. Во всяком случае, так было в первые годы университетской истории и так обстоит дело в современную эпоху. Избранный в 2011 году доктор экономических наук профессор Д.А. Ендовицкий — девятнадцатый руководитель Воронежского государственного университета. Получается, что средний срок деятельности ректоров — 5 лет. Но совершенно естественно, что служебные судьбы руководителей ВГУ складывались очень различно. В слишком своеобразных условиях им приходилось нести груз высокой ответственности.

В этих очерках — рассказ о трех руководителях Воронежского университета в разные, но по-своему чрезвычайно характерные периоды его истории.

ВАСИЛИЙ ЭДУАРДОВИЧ РЕГЕЛЬ

Первым ректором Воронежского университета был профессор Василий Эдуардович Регель, до лета 1918 года являвшийся профессором истории Юрьевского университета.

Василий Эдуардович родился в Санкт-Петербурге 10 декабря 1857 года. Его отец Эдуард Людвигович Регель был научным работником, биологом, директором Ботанического сада Императорской Академии наук. В 1875 году Василий Эдуардович окончил гимназию при Реформаторском училище, специализированном столичном учебном заведении для лиц протестантского вероисповедания. В том же году он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, который окончил в 1880 году со степенью кандидата. Так в дореволюционных университетах отмечались лучшие выпускники. В университете его учителем сначала был знаменитый русский историк-славист В.И. Ламанский. Затем он учился у крупного специалиста по истории Византии В.Г. Василевского¹. Уже на студенческой скамье проявил склонность к серьезной исследовательской работе. Неслучайно В.Э. Регель был оставлен в университете для подготовки к научной деятельности. Точнее, такая форма подготовки научно-педагогических кадров определялась как оставление в университете для подготовки к профессорскому званию. Однако в положении, сходном с современной аспирантурой, он пробыл всего год и в 1881 году перешел на работу в один из департаментов министерства народного просвещения, где занял скромную должность делопроизводителя.

Чиновником В.Э. Регель трудился три года. Но это время начинающим ученым не было потрачено зря. (Опыт административной работы пригодился ему спустя четверть века, когда судьба отвела Регелю роль организатора и руководителя Воронежского университета, одного из первых российских университетов советского времени.) Но все же научная деятельность осталась для молодого историка более привлекательной. В 1884 году он вновь зачисляется в штат Петербургского университета и направляется на три года за границу все с той же формулировкой — «для приготовления к профессорскому званию». Специализировался В.Э. Регель по древней и средневековой истории Византии. Научные занятия вел в Берлине, Лейпциге, Вене, Стамбуле, Афинах, на греческом острове Патмос, занимался исследовательскими изысканиями в Европейской Турции, Малой Азии, работал в библиотеках Рима, Мадрида, Барселоны, Парижа, Лондона и Оксфорда (Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1896. Т. 2. С. 145).

Вернулся в Россию В.Э. Регель в 1887 году, а через год стал приват-доцентом Петербургского университета. В 1892 году он получил степень магистра всеобщей истории, а еще через два года стал редактором журнала «Византийский Времен-

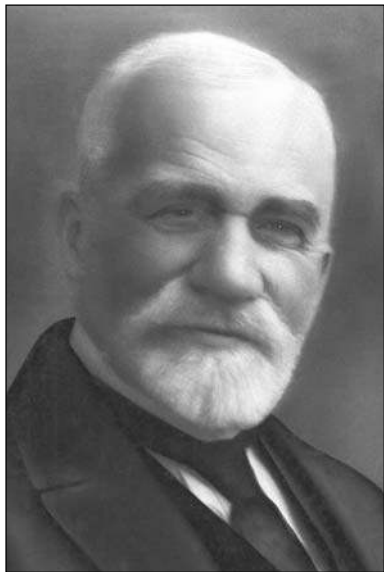
ник», который издавался Императорской Академией наук. Его научные публикации этого времени посвящены проблемам изучения археологических памятников византийского Средиземноморья, а также источниковедческому анализу некоторых средневековых хроник, в том числе содержащих сведения по ранней истории славян². Особенно продуктивно Регель работал над публикацией новых источников по древней и средневековой истории. Эта сторона его деятельности была замечена научным сообществом, и в 1898 году он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук. А в 1913 году последовало приглашение в Юрьевский университет, где он занял должность профессора кафедры всеобщей истории.

В 1917–18 годах профессор Регель был активным сторонником спасения персонала и имущества Юрьевского университета путем перемещения его в Воронеж. Он хорошо знал, что власти города и губернии, а также воронежская общественность долго и упорно боролись за учреждение университета в центре Российской Черноземья. Именно Регель по поручению ученого совета Юрьевского университета неоднократно выезжал в Петроград и Москву для переговоров об условиях такого перемещения. В начале июня 1918 года состоялось решение Совета народных комиссаров (так именовалось в ту пору правительство) Советской России о необходимости сохранить персонал закрывшегося в Эстонии русского университета и учредить в Воронеже новый университет. В середине июня 1918 года профессор Регель по постановлению государственного руководства возглавил особый орган, именовавшийся «Комитетом по устройству университета в Воронеже». В состав этого комитета вошли ведущие профессора бывшего Юрьевского университета, видные представители воронежской общественности, а также ответственные руководители местной администрации. Важной задачей комитета стало оборудование передававшихся университету помещений, включая капитальный корпус бывшего Михайловского кадетского корпуса. Это здание, занимавшее целый квартал вдоль современной улицы Феоктистова, вплоть до Великой Отечественной войны будет оставаться главным корпусом ВГУ.

Кроме того, комитет принял дела от последнего ректора Юрьевского университета профессора В.Г. Алексеева. Летом 1918 года правление Юрьевского университета тоже переехало в Воронеж, при этом профессор В.Г. Алексеев отстаивал мнение той части старого правления, которое считало эвакуацию в Воронеж делом временным и полагало, что после завершения войны и разгоравшейся внутренней смуты, бывшие юрьевцы вернуться в Прибалтику. Но в августе того же года правительственный комиссар П.К. Штернберг нанес визит в Воронеж и категорически заявил о том, что речь следует вести об учреждении Воронежского университета как нового и вполне самостоятельного учебного заведения и о реэвакуации персонала не может быть речи. Вот почему последний ректор Юрьевского университета не пожелал войти в состав комитета по устройству советского вуза, и вскоре вместе с группой других ученых покинул Воронеж, вернувшись в Эстонию.

Комитет же между тем сумел довольно быстро сформировать ученый совет и другие структуры управления Воронежским университетом. Созданный уже в Воронеже ученый совет 30 сентября 1918 года избрал Василия Эдуардовича Регеля первым ректором Воронежского государственного университета. На этом посту он оставался до 1925 года, когда его сменил профессор С.Е. Пучковский.

Годы руководства В.Э. Регелем Воронежским университетом — это трудный, насыщенный драматическими коллизиями период становления нового российского вуза. По инициативе первого ректора педагогический и научный персонал стал быстро пополняться российскими учеными, в том числе приехавшими из

В.Э. Регель

других городов. В университете вскоре начали работать такие яркие фигуры, как биологи Б.М. Козо-Полянский и Б.А. Келлер, химики А.В. Думанский и Н.В. Култашев, экономист П.Н. Першин, физик А.А. Добиаш и другие крупные специалисты. Благодаря мужеству, воле, научному и педагогическому авторитету профессора В.Э. Регеля крупнейший университет Центрально-Черноземного региона России успешно преодолел организационные трудности и начал обучение, подготовку и выпуск столь необходимых молодой Советской Республике специалистов. Уже в 1919 году был проведен досрочный выпуск врачей, в которых особенно остро нуждались части Красной Армии. А с 1921 года начались регулярные выпуски квалифицированных специалистов, главным образом медиков и педагогов.

При этом университетские помещения не раз отводились местными властями под армейские госпитали и даже под казармы перемещавшихся в районе города красноармейских частей. В тех тяжелейших условиях сохранение университетской деятельности было настоящим подвигом, как ректора, так и руководимого им коллектива. В.Э. Регелю в то тревожное время пришлось часто бывать в Москве и убеждать высшие власти встать на защиту университета. Временами это ему удавалось. Однажды дело дошло до того, что нарком внутренних дел Г.И. Петровский 27 февраля 1919 года прислал на имя председателя Воронежского губисполкома Н.Н. Кардашева гневную телеграмму с категорическим требованием дать точное объяснение на запросы по поводу освобождения помещений университета. Явно под давлением ректора нарком даже пригрозил привлечь виновных в проволочках к революционному суду³.

Благодаря поистине героическим усилиям своего персонала университет продолжал действовать. В 1922 году медицинский факультет выпустил 180 врачей, а в 1923-м — к ним добавились еще 213. Одновременно шли непрерывные реорганизации внутренней структуры университета. Уже в 1919 году пришлось закрыть юридический факультет и историческое отделение историко-филологического. Новая власть сочла эти подразделения буржуазными, чуждыми задачам и духу пролетарской диктатуры. Вместо них был создан факультет общественных наук, однако наладить его работу ректорату не удалось, в университете просто еще не было гуманитариев-марксистов. В 1921 году Регелю пришлось создавать педагогический факультет, в состав которого были включены подразделения всех прочих факультетов, кроме медицинского и физико-математического. Осенью того же года при ВГУ был организован рабочий факультет или рабфак, призванный обеспечивать предварительную подготовку рабочей и крестьянской молодежи к обучению на основных факультетах университета. С 1922 года на все факультеты был открыт регулярный прием абитуриентов по определенным правительством цифрам контингента. В 1923 году появились первые нормы набора студенческого состава: 250 человек на 1 курсе медицинского факультета, 300 — на физико-математическом и 450 — на педагогическом⁴. Правда, уже в 1924 году народным комиссариатом просвещения было принято решение об упразднении физико-математического факультета и слиянии его подразделений с педагогическим. После

этого на первый курс в ВГУ принималось до 450–500 человек. За этими скромными, на современный взгляд, цифрами скрывалась титаническая энергия, самоотверженность и организаторский талант профессоров, преподавателей, сотрудников Воронежского университета и его первого ректора.

О большом авторитете Регеля свидетельствовал и такой факт. В феврале 1920 года в рамках Российской Академии наук был образован комитет порайонного описания страны во главе с академиком А.Е. Ферсманом. В комитет вошли видные ученые: Л.С. Берг, С.Ф. Ольденбург, С.Ф. Платонов, А.А. Шахматов, В.П. Семенов-Тянь-Шанский. Был включен в состав комитета и В.Э. Регель.

Более пяти лет советские учреждения признавали его человеком достойным, заслуживавшим доверие. Но весной 1924 года губернский комитет ВКП(б) неожиданно определил, что правление Воронежского университета все еще находится в руках профессора Регеля, человека чуждого советской власти, игнорирующего общественность и даже «олицетворяющего собой вожака наиболее реакционных течений» в среде профессоров и сотрудников. «Это положение, — резюмировали представители власти, — мешало губкому ВКП(б) проводить необходимое политическое влияние в стенах вуза». Как полагал секретарь губкома П.В. Крюков, дальнейшее пребывание В.Э. Регеля на своем посту грозило негативными последствиями и для студенчества, до 75 процентов состава которого было все еще интеллигентским или мелкобуржуазным. Руководство ректора «мешало работе партии по расслоению студенчества и пролетаризации вуза»⁵. Смещение Регеля удобнее всего было провести в рамках кампании по выборам правления ВГУ, назначенным на осень 1924 года. Стало известно, что партийная ячейка высказалась за увольнение из университета 16 политически неблагонадежных профессоров и преподавателей, в том числе и самого В.Э. Регеля.

Однако профессорская курия и в такой нелегкий момент проявила удивительное упорство. 21 сентября она собралась на заседание по выборам правления и при поименном голосовании дружно проголосовала против рекомендованных губкомом партии Г.Т. Чуича, а заодно и профессора М.И. Штуцера. Разработанный в губкоме план был профессорами заблокирован. В.Э. Регель остался на прежней должности, так как профессора не дали согласия на его переизбрание.

В поисках выхода из сложившейся ситуации профессоров уговорили провести через три дня повторное собрание. Однако все попытки доизбрать новое правление и придать ему легальный статус закончились безуспешно: профессора упрямо голосовали против всех предложенных кандидатур. Они даже потребовали удаления со своего собрания всех посторонних, включая специально направленного представителя губернского исполкома А.Л. Щепотьева. В ответ на это требование А.Л. Щепотьев заявил, что «по конституции, как член губисполкома, он имеет право участия с совещательным голосом на любом заседании на территории губернии»⁶. Тем не менее, его участие в заседании положения не спасло. Все доводы профессоров не убедили, а так как В.Э. Регеля в списке кандидатов не было, то они отказывались голосовать за других кандидатов.

Несмотря на очевидную неудачу в профессорской курии, губком все же направил в Главпрофобр просьбу о назначении ректором профессора-медика С.Е. Пучковского. Ходатайство мотивировалось тем, что С.Е. Пучковский был все-таки избран в состав правления всеми куриями, включая профессорскую. Однако, к большой досаде губкома, руководство Главпрофобра такое ходатайство отклонило. В Москве сочли, что выборы правления считать состоявшимися нельзя. Поэтому ректором был оставлен профессор В.Э. Регель. В своем письме Воронежскому губкому председатель Главпрофобра И.И. Ходоровский заявил, что без согласия профессорской курии новый ректор избран быть не может. «Не в наших и не в Ваших интересах, — писал он, — ставить новое правление в невозможные отно-

шения с частью научных работников университета». Кроме того, руководитель высшей школы считал, что С.Е. Пучковский не вполне подходит на должность ректора университета и по деловым качествам. «Мы просим Вас, — говорилось в письме, — еще раз обсудить этот вопрос и попытаться найти общий язык с профессорской курией и во всяком случае не оказывать на нее в этом вопросе излишнего давления».

Губком сделал попытку переубедить руководство Главпрофобра. В письме И.И. Ходоровскому от 12 ноября 1924 года секретарь губкома Я.Б. Быкин писал, что партийные руководители тоже не считали С.Е. Пучковского самым подходящим кандидатом на пост ректора. Ближайшая цель губкома состояла в том, чтобы поставить во главе университета профессора М.И. Штуцера, «но он не имел шансов пройти ректором». Пучковский был выдвинут как компромиссная фигура, с его помощью можно было провести перегруппировку сил в правлении университета, а затем все же добиться избрания ректором человека, отвечающего требованиям времени. При Пучковском, единственным из профессоров, который собрал необходимое большинство голосов, «основное руководство университета будет в руках фракции ВКП(б) и профессора Штуцера... и советизация ВГУ, без сомнения этим обеспечивается». Ректор же, выбранный правой профессурой (или оставшийся на своем посту В.Э. Регель), «работать никак не сможет, и единственный выход из создавшегося положения — утвердить выдвинутый и утвержденный Советом состав правления: ректором Пучковского, проректором — Штуцера»⁷.

Главпрофобр, однако, продолжал настаивать на своей принципиальной позиции. Воронежский губком направил жалобу на работников Наркомпроса в ЦК партии. Жалоба эта, адресованная Л.М. Кагановичу, носила характер откровенного доноса. Позиция Главпрофобра расценивалась в ней как откровенно антисоветская, играющая на руку реакционной профессуре⁸. В Москву, теперь уже в ЦК, снова направился А.Л. Щепотьев. Его доводы сочли в высшей партийной инстанции убедительными. Давление местных и центральных партийных учреждений в конце концов возымело действие. Главпрофобру пришлось отступить. Весной 1925 года приказ о смещении В.Э. Регеля был подписан, а новым ректором Воронежского университета был назначен профессор С.Е. Пучковский.

С отставкой профессора В.Э. Регеля уходила в прошлое целая эпоха жизни университета. Василий Эдуардович после отставки с поста ректора покинул университет не сразу. Некоторое время он работал директором музея древностей и изящных искусств, коллекциями которого очень дорожил. Приказом Главпрофобра ему не только был сохранен прежний оклад, но и установлена персональная надбавка в 75 рублей за заслуги перед советской высшей школой⁹. В 1925 году было принято решение о выделении музея из состава университета и о создании на его основе отдельного культурно-просветительского учреждения, именуемого ныне Воронежским областным музеем изобразительных искусств имени И.Н. Крамского. Вскоре Василий Эдуардович Регель уехал из Воронежа. Умер он в Риге в 1932 году.

ПАВЕЛ ФЛЕГОНТОВИЧ САПОЖНИКОВ

В начале 1930-х годов Воронежский университет подвергся глубокой реорганизации и фактически вступил в качественно новый период своей истории. Три его факультета (педагогический, медицинский и плано-экономический) были преобразованы в самостоятельные и сугубо профильные институты. К сентябрю 1931 года в составе университета осталось всего 86 студентов на только созданном химико-биологическом факультете. Но университет выстоял и на этот раз. Благодаря поддержке ученых из Академии наук СССР он был сохранен, но при этом радикально реорганизован. Правительство СССР решило сохранить примерно пол-

тора десятка классических университетов, значительно повысив их статус как универсальных научно-учебных центров подготовки высококвалифицированных специалистов при одновременном развитии фундаментальных научных исследований. В массовом сознании университеты стали восприниматься с этого времени как элитные учебные заведения, как своего рода «вузы для вузов», выпускникам которых открывалась прямая дорога к высотам науки. Облик ВГУ радикально изменился. Из университета медико-педагогического профиля он превращался в головной для Центрального Черноземья вуз, ориентированный на подготовку высококвалифицированных специалистов и научных работников главным образом в области естественных наук. Так, во всяком случае, обстояло дело в первой половине 1930-х годов¹⁰.

Обновленный университет, пережив трудное время расставания с прежними факультетами, очень скоро начал быстро расти. В годы первых пятилеток страна остро нуждалась в квалифицированных кадрах разных специальностей. Экономические перспективы Центрально-Черноземного региона были в ту пору связаны с ростом химической, оборонной и легкой промышленности, а также с развитием предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Основной задачей Воронежского университета стало кадровое обеспечение принятых партией программ хозяйственного развития. Кроме того, более высокие требования предъявлялись к университету как ведущему научно-исследовательскому центру, прежде всего в области химии и биологии.

Реализация первых пятилетних планов сопровождалась, как известно, крупными достижениями в сфере индустриального развития. Бурный подъем промышленности потребовал расширения сырьевой базы. Одновременно происходили серьезные сдвиги в размещении производительных сил. Коренным образом менялась социально-демографическая ситуация. Новые общественно-экономические реалии диктовали необходимость в развитии университетского образования. В 1934 году к действовавшим химическому, биологическому и физико-математическому факультетам добавился геолого-географический. Еще через пять лет быстро выросший молодой факультет был разделен на два самостоятельных — географический и геолого-почвенный. А в 1940 году в университете открылся и первый факультет гуманитарного профиля — исторический, который в самый канун Великой Отечественной войны был преобразован в историко-филологический.

Динамика экономических, культурных и социальных перемен была в предвоенное десятилетие впечатляющей. К активной социальной жизни поднимались многомиллионные пласты деревенского, в основном малограмотного населения. Первые успехи на путях социалистической модернизации порождали атмосферу неподдельного оптимизма. «Страна мечтателей, страна ученых» рвалась в светлое и, казалось, совсем не далекое будущее.

Однако эпоха социалистической реконструкции оказалась на редкость противоречивой. Неискушенные в политическом отношении слои легко связывали начавшиеся перемены с направляющей волей партийного руководства, «гением» и «мудростью» вождя народов. В свою очередь, правящий режим, встав на путь форсированного строительства нового общества, требовал от народа исключительной преданности и полного идеологического однообразия. Формировались основы строя, который получил впоследствии название «тоталитарного» или административно-командного. Любое политическое свободомыслие решительно пресекалось, в стране начал раскручиваться маховик невиданных по масштабам репрессий.

Курс на «монолитную сплоченность» общества требовал устранения любых сомнений или уклонов. Как отдельные люди, так и целые общественные группы, не вписывавшиеся по каким-либо причинам в ряды безупречных строителей но-

П.Ф. Сапожников

вого общества, подвергались морально-политической изоляции, а затем и физическому устранению. Политический террор захватил все социальные слои. Свою горькую ношу пришлось вынести и высшей школе. Стоит отметить, что руководители всех государственных вузов Воронежа (а их в 1930-е годы было больше десятка), многие профессора, доценты, аспиранты и студенты разоблачались как «враги народа» и получали разные наказания, вплоть до высшей меры пролетарского возмездия. Спустя два десятилетия высшие судебные инстанции страны признали почти всех расстрелянных невиновными.

Пожалуй, самые тяжелые потери пришлось понести и ВГУ. Пять его руководителей, последовательно сменявших друг друга более десятка лет подряд, подверглись суровым репрессиям: Г.Т. Чуич (ректор в 1927–1929 гг.), П.Ф. Сапожников (директор в 1929–1932 гг.), И.П. Подволоцкий (директор в 1932–1934 гг.), А.Я. Норин (директор в 1934–1936 гг.), А.Л. Щепотьев (директор в 1936–1938 гг.). Необоснованные

репрессии затронули также многих преподавателей и студентов. Погибли, например, профессора М.Н. Крашенинников, Я.А. Ратгаузер, проректор Д.А. Алпатов, преподаватели военной кафедры С.С. Беляев, И.В. Веселаго, Г.В. Шульц и многие другие.

Один из них, Павел Флегонтович Сапожников, был философом-марксистом революционной закалки, участником известной в стране школы Н.И. Бухарина. Он родился в 1897 году, по всей видимости, в семье скромного служащего. Следовательно, к моменту назначения на должность ректора ему было всего 32 года. Но за плечами у него уже был немалый опыт общественно-политической деятельности. До революции Сапожников учился в Казанском университете, правда, успел закончить только два курса физико-математического факультета¹¹.

В бурное время революции и гражданской войны Сапожников был на стороне советской власти. И, по всей видимости, служил ей на совесть. Причем больше всего он преуспел на так называемом идеологическом фронте. После окончания гражданской войны Сапожников получил направление на учебу в Институт красной профессуры (ИКП), учебное заведение, созданное специально для подготовки преподавателей новой формации, главным образом, в области общественных наук. Деятельность этого института в 1920-е годы находилась под контролем Н.И. Бухарина, сторонниками взглядов которого стали многие его слушатели, в том числе и П.Ф. Сапожников. Молодые «бухаринцы» играли в те годы заметную роль в идеологической жизни партии.

Закончив учебу в ИКП, Сапожников некоторое время работал в центральных партийных идеологических учреждениях. Он был научным сотрудником Института Ленина, редактором журнала «Революция и наука», а с 1925 года состоял штатным сотрудником газеты «Правда», также находившейся под общим руководством Н.И. Бухарина. Одновременно Сапожников преподавал в Московском университете общественные дисциплины, в том числе марксистскую теорию права и диалектический материализм. Вскоре молодого философа избрали членом президиума РАНИОН (этой популярной в свое время аббревиатурой именовалась

ассоциация исследователей-марксистов в области общественных наук). Карьера в столице развивалась быстро, и уже в 1926 году Сапожников переходит на работу в аппарат ЦК ВКП(б) на должность заместителя заведующего подотделом пропаганды.

Казалось, что успешное продвижение по партийной служебной лестнице будет продолжено. Однако в 1928 году ситуация в партии резко изменилась. В высшем руководстве обнаружились острые противоречия по вопросу о путях дальнейшего социально-экономического развития страны. Группа «правых» во главе с Н.И. Бухариным выступила против форсированных темпов индустриализации, осуществить которые можно было только за счет ущемления экономических интересов крестьянства. Сторонники Бухарина энергично возражали против репрессивных мер в отношении зажиточного крестьянства и насильственных методов коллективизации села. Разногласия общеполитического свойства привели к острой схватке за власть, которая превратилась в борьбу на уничтожение оппонентов. И.В. Сталину и его сторонникам удалось привлечь на свою сторону большую часть партийного аппарата и нанести бухаринской группе серьезное поражение. На пленумах ЦК и в печати развернулась острая критика платформы «правых». Были приняты меры по ослаблению их позиций в центральных партийных структурах. Многие из сторонников Бухарина были вынуждены отправиться на периферию. Одним из следствий такой кампании и стало перемещение П.Ф. Сапожникова в Воронеж. Случилось это во второй половине 1928 года.

Поначалу он получил довольно скромную должность заместителя заведующего отделом культуры обкома партии. Но скоро бывшего столичного функционера выдвинули на освободившееся место ректора Воронежского университета. Можно предположить, что в областном партийном руководстве были явные, но больше скрытые сторонники Н.И. Бухарина и «правых». Кроме того, в партии еще сохранялись следы относительного либерализма и терпимости к инакомыслию, характерные для времен нэпа.

П.Ф. Сапожникову довелось руководить университетом в критическое для него время. Начало первой пятилетки ознаменовалось крупными переменами в политике советской власти по отношению к высшей школе. Острая потребность в квалифицированных кадрах, прежде всего инженерно-технических, подтолкнула руководство страны к ускоренному созданию отраслевых высших учебных заведений. Перед профильными институтами ставилась задача подготовки специалистов, способных быстро решать прикладные задачи социалистического строительства. В конце 1929 года университеты были признаны устаревшими учебными заведениями и их решили упразднить. На основе университетских факультетов стали повсеместно создаваться однопрофильные институты, в том числе медицинские и педагогические. Угроза закрытия нависла и над Воронежским университетом, поскольку ему тоже пришлось расстаться со своими основными факультетами. В это трудное время П.Ф. Сапожникову пришлось проявить большую настойчивость и силу характера. Он в числе других ученых и организаторов высшей школы считал решение о закрытии университетов ошибочным, чреватый серьезными потерями для отечественной науки, прежде всего фундаментальной. Усилия по защите классических университетов были в конце концов вознаграждены. Аргументы Академии наук СССР, многих университетских ученых и организаторов высшего образования пришлось принять во внимание, и уже к весне 1931 года руководство страны сочло необходимым сохранить 13 университетов, придав им статус головных учебных заведений больших регионов. В их числе был и Воронежский¹².

Такой поворот дела П.Ф. Сапожников считал своим личным успехом. Еще во время преобразования старых факультетов в самостоятельные институты он энер-

гично противился полному разделу университетского имущества и сумел отстоять для ВГУ главный учебный корпус (бывшее здание Михайловского кадетского корпуса), большую часть библиотеки, ряд жилых помещений. Не покинула университет и преданная ему часть профессорско-преподавательского состава, включая 11 профессоров. Осенью 1931 года произошло второе рождение университета, на первый курс было принято 360 абитуриентов (на старших курсах оставалось всего около 90 химиков и биологов) и появились обнадеживающие перспективы роста. С большим удовлетворением П.Ф. Сапожников писал в областной газете, что обновленный университет становится центром по подготовке молодых исследователей по физико-математическим и естественным наукам. Будущие выпускники к тому же должны получать квалификацию преподавателей вузов и втузов¹³. Изменилась и должность руководителя: вузы стали возглавлять не ректоры, а директора — с 1930 года в вузах было введено единоначалие и отменена выборность администрации. Советская политическая система все более зримо приобретала командные черты.

Однако над карьерой самого П.Ф. Сапожникова очень скоро начали сгущаться тучи. С политической точки зрения, его положение в университете не было прочным, можно сказать, с первых дней. В 1929–1930 годах обстановка в руководстве ВКП(б) резко изменилась. На Н.И. Бухарина, как на сторонника более умеренной и сбалансированной политики по вопросам социалистического строительства, нападки становились все более ожесточенными¹⁴. Естественно, что на местах острой критике стали подвергаться и питомцы «бухаринской школы». П.Ф. Сапожников к тому же был не только администратором, но и профессором, возглавившим кафедру философии. Руководил он и областным отделением Всесоюзного общества воинствующих диалектиков-материалистов. Именно философские позиции стали уязвимым местом нового руководителя ВГУ. Уже в 1929 году в печати появились острые выпады в его адрес. В ноябре 1929 года многотиражная газета «Красный университет», отражая позицию партбюро, едко писала о том, что ректор занял примиренческую позицию в ходе разгоревшихся политических дискуссий. Он, сообщила газета, «договорился до того, что Бухарин, мол, правым никогда не был, что отдельные ошибки Бухарина правые использовали в своих целях, и что, таким образом, Бухарин отнюдь не идеолог и не вождь правых оппортунистов». Как представитель «бухаринской школы», настаивал автор статьи, «ректор ВГУ тов. Сапожников должен прямо и недвусмысленно заявить, с кем он: с партией или против нее. Или — или. Третьего не дано»¹⁵.

Совершенно ясно, что быть с партией, по понятиям того времени, означало быть безоговорочным сторонником сталинской линии и никакой иной. Ученик Н.И. Бухарина своих принципиальных позиций менять не стал. Уже в разгар репрессий конца 1930-х годов Н.П. Езепенко, бывший секретарем парторганизации ВГУ и одновременно посещавший философские семинары Сапожникова, рассказывал после своего ареста следователям: «Директор развивал перед нами следующие концепции: коллективизация сельского хозяйства крестьянству навязывается с применением даже силы оружия; развитие промышленности идет таким образом, что явно попираются жизненные интересы подавляющего большинства населения, народное хозяйство, выколачиванием из него больше того, что оно может дать, разрушается, индустриализация — это ничто иное, как осуществление колониальной политики в отношении крестьянства и т.п.»¹⁶.

Разумеется, следственные показания, да еще в специфических условиях развязанного против любых оппонентов системы террора, не могут считаться надежным источником. Следователи вполне могли в уста арестованного нужные им показания. Но в данном случае достоверность показаний Н.П. Езепенко больших сомнений не вызывает. Сторонники Н.И. Бухарина действительно вы-

ступали и против форсированных темпов индустриализации, и против насильственных методов коллективизации, и против поспешного разрушения элементов рыночных отношений в экономике.

Конечно, открыто отстаивать позиции Бухарина Сапожников уже не мог. Но на занятиях философских семинаров в университете, а также во время дискуссий в обществах воинствующих материалистов-диалектиков он допускал осторожные высказывания, которые при желании можно было принять за проявления оппозиции сталинскому курсу. Охотников поправить «правого уклониста» находилось немало, тем более, что местные коммунисты знали об обстоятельствах его перевода на периферию. Критические реплики в местной печати по отношению к руководителю университета становились почти дежурными. Но особенно острыми стали нападки осенью 1931 года. И если университет к тому времени выстоял, то положение директора стало шатким. В октябре газета воронежских коммунистов опубликовала очередную критический материал, направленный против скрытой оппозиции. На сей раз с разоблачением антипартийного уклона Сапожникова выступила группа молодых коммунистов, аспирантов педагогического института. Слушатели философского семинара заявили через газету, что они обнаружили у своего руководителя «меньшевиствующий идеализм», уклон в деборинщину¹⁷ и потребовали его немедленного теоретического разоружения. С открытыми обвинениями в адрес ректора ВГУ выступали и сотрудники отделившегося от университета экономического факультета, преобразованного вскоре в институт народнохозяйственного учета. Отказ выделить новому институту главный корпус ВГУ они были склонны расценивать как подрыв партийной линии на развитие плановой экономики.

Публичная кампания такого рода ничего хорошего Сапожникову не сулила. Во всяком случае, партийное бюро университета в декабре 1931 года поставило задачу «немедленного пересмотра учебных программ как студентов, так и аспирантов с точки зрения их политической выдержанности», в том числе и с учетом борьбы «на два фронта» (против правого и левого уклонов от генеральной линии ЦК). Все эти громкие призывы имели к директору прямое отношение. Еще осенью 1931 года Кагановичский райком партии Воронежа принял решение о желательности смещения руководителя ВГУ. Поддерживая эту позицию, университетское партбюро настаивало перед райкомом об ускорении этого дела, так как «неопределенность в руководстве крайне скверно отражается на работе ВГУ»¹⁸.

После таких заявлений стало ясно, что скорая отставка П.Ф. Сапожникова неизбежна. По свидетельству вдовы репрессированного доцента пединститута Е.В. Соколовой-Бартеневой, признаки близкого смещения директора университета были заметны невооруженным взглядом. «На одном из праздников, — вспоминала она, — была демонстрация, трибуна стояла у Дворца труда, Сапожников поднимался на трибуну, а Варейкис (тогда первый секретарь обкома партии ЦЧО — М.К.) спускался, и когда Варейкис не подал ему руки, все стало ясно»¹⁹.

Нельзя думать, что Сапожников безропотно ожидал своей участи. Он не раз пытался продемонстрировать преданность «генеральной линии партии». Так, в апреле 1931 года он сам выступил в университетской многотиражке с весьма агрессивной составленной статьей «О борьбе на два фронта в философии», в которой, в общем, полностью присоединился к критике как «меньшевиствующего идеализма» А.М. Деборина и его сторонников, так и сторонников «правого уклона» в партии. Как директор, он весьма активно выступал за усиление партийной прослойки в составе профессуры и за избавление университета от влияния старых «буржуазных» (главным образом, бывших юрьевских) ученых. При нем были организованы отчеты ряда профессоров и доцентов перед пролетарской общественностью, в результате которых некоторые из них были из университета уволены и даже подвергнуты политическим репрессиям. Он принимал деятельное участие в «разоблачении» груп-

пы преподавателей (профессора М.Н. Крашенинников и Г.А. Замятин, доцент А.М. Путинцев и др.), осужденных вскоре по сфабрикованному органами ОГПУ «делу краеведов»²⁰. Впрочем, оставаясь руководителем-коммунистом и философ-марксистом, иной позиции он занимать и не мог. Как и многие его гонители, он вполне искренне верил в коммунистические идеалы, а сомневающиеся в планах построения светлого будущего сочувствия от него ждать не могли.

Следует отметить также, что нападки на Сапожникова поначалу встречали некоторое противодействие со стороны его учеников. Личное мужество проявил, в частности, аспирант И.Б. Лобанов, работавший в 1931 году в философском семинаре директора. Он воспротивился попыткам партбюро спровоцировать слушателей на протесты против «антимарксистских» положений руководителя семинара. Составив довольно подробный положительный отзыв о качестве занятий Сапожникова, он убедил аспирантов-комсомольцев А. Петренко, Т. Косцову и И. Козлобаева (все трое впоследствии преподавали в ВГУ) подписать его и представить, таким образом, коллективное возражение против нападков на директора²¹. Правда, по подсказке секретаря партбюро, аспиранты скоро от своих подписей отказались, но Лобанов продолжал защищать Сапожникова, за что сначала получил партийное взыскание, а затем был репрессирован.

В конце декабря 1931 года П.Ф. Сапожников был освобожден от должности директора ВГУ. Однако отставка его поначалу трагической не выглядела: он получил перевод на должность директора сельскохозяйственного института. Впрочем, перемещение в СХИ существенного значения уже не имело. К практической деятельности на новом месте Сапожников, по всей видимости, так и не приступил. По официальным данным в 1932–1933 годах он числился и членом президиума областной плановой комиссии ЦЧО, и профессором института народнохозяйственного учета. Но эти хаотичные перемещения свидетельствовали только об одном: общественно-политическая и государственная деятельность П.Ф. Сапожникова подошла к концу. В начале 1933 года опальный профессор был арестован, а 16 апреля того же года, по постановлению коллегии ОГПУ, отправлен на три года в Суздальский концентрационный лагерь (позже такие лагеря стали именоваться исправительно-трудовыми). Свой лагерный срок Сапожников отбыл полностью, а в январе 1936 года решением Особого совещания (внесудебного учреждения, находившегося под контролем НКВД) он был направлен в ссылку на два года в Свердловскую область²².

Понятно, что никакой общественно-политической деятельностью ни в лагере, ни в ссылке бывший ректор уже не занимался и заниматься не мог. Однако идейные прегрешения, по мнению высшего партийного руководства того времени, срока давности не имели и прощены быть не могли. Раскручивание спирали «большого террора» предрешило и трагическую участь П.Ф. Сапожникова. В конце сентября 1936 года была принята специальная директива Политбюро ЦК ВКП(б) «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Тон ее был столь же категоричен, сколь и беспощаден. И.В. Сталин и его единомышленники объявляли о том, что «необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных, вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы»²³. Уже отбывший свое наказание за правый уклон П.Ф. Сапожников был снова арестован и после короткого следствия Военной коллегией Верховного суда СССР 25 мая 1937 года приговорен к высшей мере наказания, и уже 26 мая того же года — расстрелян. Спустя почти четверть века решением все той же Военной коллегии ВС он был полностью реабилитирован. Постановление о реабилитации было принято 18 июня 1961 года²⁴.

БОРИС ИВАНОВИЧ МИХАНТЬЕВ

Борис Иванович Михантьев пришел в Воронежский университет в 1953 году. Ответственный пост руководителя крупнейшего вуза Центрального Черноземья он занял не путем демократических выборов. В ту пору ректоров не выбирали. Они назначались: в начале 1950-х годов министром культуры СССР (университеты тогда находились в ведомственном подчинении этого министерства), позднее — министром высшего образования, причем непременно после согласования с местным партийным руководством. Казалось бы, выборная система позволяет произвести более качественный отбор руководителя. Но случай с Б.И. Михантьевым ставит под сомнение универсальность такого вывода. Назначенный ректором приезжий ученый-химик оказался на редкость компетентным, деятельным, широко мыслящим и при этом исключительно внимательным к нуждам университетского коллектива руководителем.

Б.И. Михантьев родился 28 июля 1907 года на Урале, в оренбургском селе Покровское, в семье служащего. В 1925 году он окончил среднюю школу (в ту пору средние школы именовались школами II ступени) и сразу же начал работать сельским учителем. Большого удивления такой факт тогда не вызывал: дефицит педагогов был огромным. Вскоре он поступил на заочное отделение химического факультета Оренбургского педагогического института, которое окончил в 1935 году. Учился Б.И. Михантьев с блеском, был замечен и получил направление в аспирантуру одного из лучших вузов страны — Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена. Свою первую крупную научную работу молодой исследователь выполнил точно в срок. В октябре 1938 года он успешно защитил диссертацию и стал кандидатом химических наук. В те годы выпускник аспирантуры обязан был работать там, куда направляло его государство. Б.И. Михантьев получил назначение на должность доцента Марийского государственного педагогического института в городе Йошкар-Оле. Но трудиться химиком-педагогом ему пришлось недолго.

В грозное время Великой Отечественной войны Михантьев ушел на фронт. Воюя в разных местах, в том числе и под Воронежем. Занимал командные должности, позволявшие к тому же успешно использовать полученную квалификацию. К концу войны являлся одним из руководителей фронтовой службы химической защиты. День Победы он встретил в звании инженер-майора.

После демобилизации Борис Иванович вернулся в Йошкар-Олу и стал работать в Поволжском лесотехническом институте. Но тяга к научному творчеству и несомненная одаренность побуждали молодого доцента приступить к разработке больших исследовательских задач. В 1949 году он был принят в докторантуру Института органической химии АН СССР, руководил которым президент Академии наук СССР академик А.Н. Несмеянов. Три года жизни в столице прошли в упорных и при этом очень продуктивных научных занятиях, и в июле 1952 года Б.И. Михантьев успешно защитил докторскую диссертацию, завершив крупное исследование по химии высокомолекулярных соединений. И вновь его как выпускника докторантуры направляли на новое место: на сей раз заведующим кафедрой химии Воронежского лесотехнического института.

Однако в ЛТИ Михантьев не задержался. Менее чем через год его энергия и организаторские способности были замечены областным партийным руководством. В сентябре 1953 года Министерство культуры СССР согласилось с предложением обкома партии, и Б.И. Михантьев был назначен на должность ректора Воронежского государственного университета. Назначение, повторимся, оказалось не только вполне закономерным, но, как показало время, и очень удачным.

Воронежский университет открывал в начале 1950-х годов новую страницу сво-

Б.И. Михантьев

ей истории. Ценой огромных усилий переживших войну людей он был только что восстановлен из руин. Бесспорная заслуга в деле возрождения полностью разрушенного и разоренного университета принадлежала ректору Н.П. Латышеву, сумевшему в неимоверно сложных условиях тотального дефицита сплотить университетский коллектив вокруг благородной задачи возрождения флагмана высшего образования Центрального Черноземья. Университет встал на ноги. К приходу Б.И. Михантьева он состоял из шести факультетов: биолого-почвенного, географического, геологического, физико-математического, историко-филологического и химического. На факультетах действовало 29 кафедр, еще пять кафедр имели статус общеуниверситетских (по общественным наукам, иностранным языкам, физическому воспитанию). Кафедра педагогики еще не была восстановлена, но педагогические дисциплины уже преподавались. Как свидетельствует сохранившийся в архиве акт передачи дел от одного ректора другому, профессорско-преподавательский состав

университета насчитывал 181 человека. Но только 12 кафедр возглавлялись профессорами. Всего же в университете работали 17 профессоров и 76 доцентов. Примечательно, что в штатном расписании ВГУ числились три водителя автомашин и три конюха-возчика.

На дневном отделении обучались 1825 студентов, из которых 80 были участниками Великой Отечественной войны. Больше всего студентов училось на физико-математическом факультете (418), меньше всего — на геологическом (240)²⁵. По масштабам деятельности университет в целом вышел на довоенный уровень. Но после завершения восстановительного периода перед ним вставали новые и очень сложные задачи. Страна была на подъеме и потребности в специалистах с университетским образованием быстро возрастали. Университету предстояло укрепление буквально по всем направлениям. Очень трудным было положение с помещениями. По обеспеченности площадями для учебной и научной работы в расчете на одного работника ВГУ к приходу Михантьева занимал 33-е место среди 34 университетов Советского Союза. В исключительно тяжелых условиях работала библиотека, в фондах которой уже насчитывалось около 700 тыс. книг. Хранить новые поступления было негде, и Н.П. Латышев даже дал указание о списании и уничтожении примерно 120 тыс. книг. Едва приняв университет, Борис Иванович отменил это распоряжение; новый ректор был преисполнен решимости в кратчайшее время выправить ситуацию. Надо строить библиотеку, решительно заявил он²⁶. Как ученый он прекрасно понимал, что без полноценной библиотеки университет функционировать не может. Нужно было строить новые учебные корпуса, быстрее обновлять оборудование научных подразделений, укреплять материальную базу действовавших факультетов, готовить условия для открытия новых. Предстояли большие усилия по укреплению кадрового потенциала кафедр, по выведению университетской науки на самый современный уровень.

Отдавая должное энергии и целеустремленности Н.П. Латышева, коллектив университета все же сознавал, что старому партийному работнику не хватало научного кругозора и, так сказать, научного веса. Для развития главного вуза реги-

она опыта хозяйственных и восстановительных работ уже было мало. Вот почему назначение Б.И. Михантьева все кафедры и факультеты встретили с пониманием. Новый ректор мог рассчитывать на поддержку ученого совета, общественно-политических и профсоюзных организаций вуза.

Одной из главных забот нового ректора стало строительство. По сути дела сразу же Михантьев должен был отдавать много сил начавшемуся строительству главного учебного корпуса на территории разрушенного в войну Митрофановского монастыря. Строительство началось трудно и поначалу шло довольно вяло: не хватало материалов, механизмов, рабочей силы и т.п. Ректору приходилось бороться за каждую тысячу кирпичей, за сохранение необходимых объемов финансирования. Лишь с 1956 года строительство начало набирать обороты. Впрочем, жаловаться особенно не приходилось. Руководство ВГУ прекрасно понимало, что местные строители и без того работали с невероятными нагрузками: за считанные годы Воронеж должен был отстроиться после тяжелейших разрушений, причиненных ему войной. На строительные работы в ту пору шли все, а уж студенты и преподаватели университета тем более. Громадное довоенное здание ВГУ было разрушено в 1943 году до основания.

Сооружение нового главного здания университета было совсем не единственной строительной заботой ректора. С большой энергией Б.И. Михантьев принялся за укрепление уже действовавших подразделений. Скоро пришли первые успехи. В 1955 году были введены в строй новые помещения. Они были особенно дороги коллективу, ведь это были первые новостройки университета послевоенного времени. Сообщая об этих событиях, университетская газета писала: «К 10 сентября будет закончено строительство новой четырехэтажной пристройки к главному корпусу. В первых трех этажах ее разместится библиотека, книгохранилище, большой читальный зал. Четвертый этаж займет двухсветный актовый зал на 450 мест»²⁷. Надо полагать, что быстрый ввод библиотечной пристройки доставил Михантьеву особое удовлетворение — не зря он отменил распоряжение о сдаче тысяч книг заготовителям сырья! Понятно, что существенное расширение «красного корпуса» по проспекту Революции (здание тогда являлось главным для ВГУ) заметно улучшило условия деятельности располагавшихся в нем естественных факультетов.

Первые успехи воодушевляли. Ректор продолжал настойчиво и не без успеха бороться за развитие материальной базы университета. По решению городских и областных властей в середине 1950-х годов вузу были переданы здания, расположенные в центральной части города. Правда, прежде чем ввести их в действие, пришлось выполнить большой объем строительных работ. Корпуса на Пушкинской улице и улице 11 Мая (такое странное название улица, проходящая вдоль Кольцовского сквера, носила в честь дня роспуска советской властью старой городской думы. Случилось это забытое теперь событие 11 мая 1918 года. Ныне — площадь Ленина, 10. — *М.К.*) вводились постепенно, в четыре очереди. Полностью работы по реконструкции и строительству здесь удалось завершить в 1960 году и на несколько лет теперь уже здание у Кольцовского сквера стало именоваться главным, так как сюда перебазировался ректорат университета. В новых помещениях разместились кафедры гуманитарных факультетов.

И все же строительство новых корпусов не успевало за развитием университета как учебного и научного центра. С большой настойчивостью Борис Иванович трудился над проблемой выпуска острodefицитных тогда специалистов с университетской квалификацией. С середины 1950-х годов стал быстро увеличиваться набор на все факультеты. Рост студенческого контингента заметно опережал ввод новых учебных помещений, поэтому ректор был вынужден издавать приказы о проведении занятий по воскресным дням, о сокращении учебных часов по чере-

нию на физико-математическом факультете, по иностранным языкам для студентов разных курсов. Занятия попросту негде было проводить²⁸. Факультеты росли быстрее, чем корпуса, и помещений катастрофически не хватало.

Энергичные шаги предпринимались Михантьевым по укреплению профессорско-преподавательского состава. Большой поддержкой ректора пользовалась исключительно продуктивная деятельность профессоров М.А. Красносельского и В.И. Соболева, принявших за создание в стенах ВГУ крупной математической школы. Вскоре на физмате начал работать еще один одаренный исследователь — профессор С.Г. Крейн. Постепенно в университете сложилось сообщество математиков с мощным научным потенциалом. К началу 1960-х годов воронежская школа математиков пользовалась репутацией одной из самых сильных в стране.

Укреплялись и другие структурные подразделения. На кафедрах физического отделения быстро развивались перспективные направления, пользовавшиеся в ту пору большой популярностью у молодежи. Борис Иванович деятельно поддерживал идею создания кафедры ядерной физики, на которой стала работать группа талантливых молодых исследователей. На кафедре электромагнитных колебаний была создана специальная лаборатория, которой руководил профессор Р.Р. Доппель. Роберт Доппель был немецким ученым-ядерщиком, после окончания войны его в качестве своеобразной репарации вывезли из Восточной Германии и поселили в Воронеже. Под его руководством велись исследования селективного фотоэффекта, радиационной физики газового разряда и физики атомного ядра. Проводились в университете и наблюдения за искусственными спутниками Земли, запуски которых вызывали чувства законной гордости у советского студенчества.

Большим событием в жизни университета стало открытие в январе 1959 года вычислительного центра. Его сотрудники с успехом работали на первой отечественной серийной вычислительной машине «Урал-1», для размещения которой понадобилась площадь примерно в 70 кв.м. Эта громоздкая машина могла выполнять сто операций в секунду. Техника была далекой от совершенства, некоторые узлы часто выходили из строя. Ректору приходилось искать дефицитные материалы, но он неизменно поддерживал руководителя центра А.С. Сивкова, прекрасно понимая значение нового подразделения для решения фундаментальных и прикладных научных задач.

Стремительно развивалось и гуманитарное образование. Осенью 1958 года Б.И. Михантьев выступил инициатором открытия в университете юридического факультета. Событие это имело большое значение для всего Центрального Черноземья. Потребность в правоведах была очень большой, и факультет становился главным центром их подготовки.

В 1959 году число факультетов выросло до восьми. Физико-математический факультет был разделен на два самостоятельных — физический и математикомеханический. Девятым факультетом стал экономический, открытый в 1960 году. В том же году сложились условия для разделения историко-филологического факультета на два самостоятельных. А в 1962 году был открыт факультет романо-германской филологии. Конечно, не забывал ректор и о развитии самого близкого его сердцу — химического факультета. Здесь возникли две перспективных научно-исследовательских лаборатории — ионообменных процессов и химии высокомолекулярных соединений. Последнюю возглавил сам Б.И. Михантьев, мечтавший в скором времени вернуться к активному научному творчеству. Создавались и новые кафедры: радиопизики, физики полупроводников, истории Древнего мира и средних веков, испанского языка и т.д. Рос численный состав преподавателей. В начале 1960 года в университете работало уже почти 500 преподавателей, в том числе 24 доктора и 141 кандидат наук. Преподавательский состав увеличивался главным образом за счет научной молодежи.

Существенно возрос прием студентов. Набор на первый курс дневного отделения возрос, в начале 1960-х годов составлял 1100–1200 человек. Это потребовало от ректората принять незамедлительные меры по улучшению жилищных условий студенчества, иногородние студенты все еще проживали в основном на частных квартирах. В 1964–65 годах началось строительство двух общежитий по улице Фр. Энгельса. Их ввод позволил разместить в относительно комфортных условиях около 1000 студентов. Ситуация, таким образом, начала меняться в лучшую сторону. Хотя проблем, конечно, было еще много. Трудным оставалось положение с жильем для сотрудников. Многие из них ютились в тесных комнатах общежитий. В одном проживали 143 преподавателя, в другом — 81²⁹. Вакантных мест, тем не менее, в университете не было.

Большим личным достижением Б.И. Михантьева стало правительственное решение о создании при университете научного издательства. Соответствующий приказ министра высшего образования СССР был подписан 17 марта 1958 года. Создание научного издательства существенно улучшало условия для роста квалификации преподавательского состава, причем не только университета, но и всех вузов Центрального Черноземья. Ректор был особенно доволен, потому что пожелание об организации издательства было высказано ему при первой встрече с ученым советом университета еще 23 сентября 1953 года. Озвучил его заведующий кафедрой философии профессор Б.М. Бернадинер³⁰.

Масштабы научных исследований интенсивно возрастали практически на всех факультетах и кафедрах. В Воронеже стали систематически проводиться представительные симпозиумы, сюда регулярно приезжали самые авторитетные ученые. «Из университетов, — писал в одной из центральных газет академик А.Н. Колмогоров, — скромно расположенных вне столиц союзных республик, вдали от отделений и филиалов академии наук, хорошей славой среди математиков пользуется Воронежский. В нем реально заботятся о молодых специалистах. Создался уже достаточно сильный коллектив математиков, который может разумно распределять между собой педагогическую нагрузку. Издается научный журнал по одной из областей математики — функциональному анализу. Собираются общесоюзные научные конференции. Естественно, что способная математическая молодежь не бежит отсюда при первой возможности, как это часто бывает в других периферийных вузах...»³¹.

Хорошей славой ВГУ пользовался не только среди математиков. К середине 1960-х годов университет стал подлинным лидером высшего образования в регионе. Более того, он стал одним из лучших и престижных в стране. Б.И. Михантьев имел все основания поставить себе в заслугу поистине выдающиеся достижения. Но он считал, что двенадцати лет ректорских хлопот для ученого, искренне любящего вести научные исследования, вполне достаточно. Он решил оставить пост руководителя университета и считал, что уходит вовремя. В январе 1965 года, подводя итоги своей ректорской деятельности, он с удовлетворением докладывал ученому совету о больших переменах в положении университета. За прошедшие годы профессорско-преподавательский состав возрос до 626 человек, учебно-вспомогательный персонал — с 88 до 212 человек, административно-управленческий аппарат — со 119 до 490 человек. Научных работников, свободных от преподавательской работы, в университете не было вовсе, теперь же он насчитывал 91 человека, еще свыше 600 инженеров, техников и лаборантов работали на условиях хозяйственных договоров.

Количество факультетов выросло до 11 против 6 в 1953 году. Открылось вечернее отделение. Число кафедр увеличилось в два раза и достигло 69. На 1 января 1965 года в ВГУ на дневном отделении обучался 4551 студент, на вечернем — 2105 и на заочном — 4062. Таким образом, общая численность студентов ВГУ со-

ставила 10 718 человек. Кроме того, в университете открылось подготовительное отделение (неофициально именовавшееся рабфаком), на котором готовились к поступлению в вуз 500 молодых людей, пришедших с производства или из рядов Советской армии. Книжные фонды университетской библиотеки выросли почти до миллиона названий. В несколько раз увеличились масштабы научной деятельности, появился научно-исследовательский сектор, научно-исследовательский физико-химический институт с двумя проблемными лабораториями, отраслевая лаборатория экономики и организации производства, социологическая лаборатория. Численность аспирантов достигла 226 человек, а объем хозяйственных научных исследований вырос до 1,5 млн руб. в год.

За годы ректорства Б.И. Михантьева более чем в четыре раза увеличилась площадь учебных помещений. Масштабы развития были столь велики, что ректор в своей прощальной речи выразил пожелание о том, чтобы Воронеж в скором времени стал центром академической науки. «Давно наступила пора, — говорил он, — координации научной работы, проводимой вузами, исследовательскими институтами и лабораториями предприятий Воронежской и прилегающих областей. Таким центром может явиться Воронежский филиал АН СССР. Необходимо дать обоснование для открытия филиала и предпринять меры, содействующие его организации»³². Смелое предложение Михантьева осуществлено не было. Но сам факт такого предложения свидетельствовал о превращении ВГУ в действительно крупный учебный и научный центр. Министерская комиссия, присутствовавшая при сдаче дел новому ректору профессору В.П. Мелешко, зафиксировала, что по основным параметрам деятельности Воронежский университет вышел на третье место среди классических университетов России (после Московского и Ленинградского).

Борис Иванович покинул ректорское кресло достойно. Уходил он с поста руководителя вуза в полном расцвете сил, ему было 58 лет. Он имел все основания гордиться тем, что университет под его руководством совершил поистине качественный рывок в своем развитии. Но и у университетского коллектива были все основания гордиться своим ректором, талантливым организатором и ученым, доброжелательным, корректным и чутким руководителем.

* * *

Три разных ректора — три эпохи в славной, насыщенной крупными, поистине бесценными достижениями и одновременно драматической истории Воронежского университета. Труды и заботы представленных в этой статье людей придают совершенно уникальный колорит славному юбилею, который в этом году отмечает наш теперь уже столетний Воронежский университет.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Москаленко А.Е. Наука всеобщей истории в Воронежском университете за 50 лет // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969. Вып. 3. С. 5.

² Учредительные грамоты Пражской епархии. Сборник статей по славяноведению В.И. Ламанского. СПб., 1883, с. 265–330; О местоположении древних Абдер // Журнал Министерства Народного просвещения, 1890. Ч. 269. Отд. Класс. С. 75–80; О хронике Козьмы Пражского. Критическое исследование. СПб., 1890; *Analecta Byzantino-Russica*. СПб., 1890 и др.

³ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 51. Л. 28.

⁴ Воронежская коммуна, 1923, 5 июля.

⁵ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1332, л. 27.

⁶ Там же, д. 908, л. 128.

⁷ Там же, д. 1332, л. 39.

⁸ Там же, л. 27.

⁹ ГАРФ, ф. 1565, оп. 1, д. 82, л. 105.

¹⁰ Более подробно об изменении профиля университета см.: Карпачев М.Д. Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2013. Воронеж. 2013. С. 167–193.

¹¹ Лаппо Д.Д. Четвертый // Молодой коммунар, 1992, 22 октября.

¹² Подробнее об этом см.: Карпачев М.Д. Воронежский университет в годы реконструкции (1929–1932) // Общественная и культурная жизнь в Центральной России в XVII — первой половине XX в. Воронеж, 1999.

¹³ Сапожников П. ВГУ на новых путях // Коммуна, 1931, 7 августа.

¹⁴ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 337–338.

¹⁵ Красный университет, 1929, 15 ноября.

¹⁶ Государственный архив по общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 9353. Оп. 1. Д. п-10400. Л. 70.

¹⁷ Хлесткие определения (рубинщина, деборщина, переверзевщина и т.п.) в то время широко использовались в идейных кампаниях, направленных на утверждение политического единomyслия. В данном случае речь шла о причастности Сапожникова к взглядам философа-марксиста А.М. Деборина, теоретические построения которого руководство ВКП(б) признало идеалистическими и одновременно меньшевистскими.

¹⁸ ГАОПИ ВО, ф. 412, оп. 1, д. 52, л. 156–158.

¹⁹ Соколова-Вартеньева Е.В. Случайные записи // Подъём, 1990, № 11. С. 148.

²⁰ Акинъшин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж, 1992. С. 214.

²¹ ГАОПИ ВО, ф. 412, оп. 1, д. 78, л. 35.

²² ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 1, д. п-14627, т. 2, л. 20.

²³ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 221.

²⁴ Расстрельные списки. Выпуск 1. Донское кладбище. 1934–1940. М., НИПЦ «Мемориал», 1993. С. 113.

²⁵ ГАВО, ф. 33, оп. 4, д. 15, л. 32–34.

²⁶ Рожденный революцией. Документы. Воспоминания. Воронеж. 1988. С. 313.

²⁷ За научные кадры. 1955. 30 сент.

²⁸ ГАВО, ф. 33, оп. 4, д. 34, л. 47.

²⁹ Там же, д. 45, л. 65.

³⁰ Там же, оп. 8, д. 38, л. 49.

³¹ Известия. 1962. 21 февр.

³² ГАОПИ ВО, ф. 412, оп. 2, д. 125, л. 23.